

Сергей
Котов

СОЛНЕЧНЫЕ ЗВЕРИ

Сергей Котов
Солнечные звери
Серия «Боевая фантастика
Сергея Котова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69957013

SelfPub; 2023

Аннотация

Вернувшись из мира погибших военных, Сергей ушёл с военной службы и отошёл от дел. Теперь его куда больше занимает собственная семья и подрастающий сын. Однако его путешествие обратно открыло дорогу чему-то извне. Ему понадобятся все его старые навыки и новые способности, чтобы найти способ противостоять злу из другой вселенной.

Содержание

Вместо пролога	4
1	9
2	18
3	28
4	45
5	57
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Котов

Солнечные звери

Вместо пролога

Экз.№2

Особой Важности

№91587/3-714 от 18.06.2028

Резолюция: в Личное дело Иванова С.А. (руководитель
Службы СПСБТ Анненков П.А.), 23.06.2028

Протокол допроса

Проводился в рамках дознания ССБ по инциденту №34
Новоархангельской СНЗ.

Дознаватель: Галинских П.А.

Выписка для личного дела

Фамилия: Иванов

Имя: Сергей

Отчество: Александрович

Род. 31.12.1988

Воинское звание: подполковник

Должность: ведущий оперативный сотрудник

Подразделение: 3-й отдел ЦСН

...

Дознаватель: Как считаете, насколько сильно повлияла описанная вами способность управлять животными на ваши личные качества?

Иванов С.А.: Считаю, что не повлияла.

Дознаватель: Вы ведь образованный человек. Хорошо разбираетесь в психологии. Другие в ваш центр не попадают. То, что вы описываете, кардинально расширяет ваши возможности. Это обязательно сказывается на самооценке.

Иванов С.А.: Я и ранее не страдал от её снижения. Я очень хорошо знаю, насколько фатальным может быть доверие к способностям и возможностям, природа которых не ясна.

Дознаватель: Поясните. Вы считаете, что эти способности временные?

Иванов С.А.: Я считаю, что не просил о них. И не собираюсь их использовать. Тем более привыкать к их использованию.

Дознаватель: А если, гипотетически, это было бы необходимо для решения служебных задач? Очень важных служебных задач?

Иванов С.А.: А это необходимо?

Дознаватель: Понятия не имею. Я веду дознание. Мне важно понимать ваши мотивы.

Иванов С.А.: Вот будет необходимо, поговорим и о мотивах.

Дознаватель: Понимаю ваше раздражение. Медицинское освидетельствование – неприятная процедура, особенно в этих обстоятельствах. Скажите, как вам удалось его пройти?

Иванов С.А.: В основном, молча. Иногда отвечая на дурацкие вопросы.

...

Дознаватель: Касательно эпизода побега из города Черноводье. В своём рапорте вы упоминали множество животных, которые были на дороге и по которым вы вынуждены были ехать. В какой-то момент вы вынуждены были остановиться. Поясните, пожалуйста, чем была вызвана остановка.

Иванов С.А.: Я ведь вроде писал. Там был выживший. Зверь, похожий на льва.

Дознаватель: То есть вы остановились только потому, что он подавал признаки жизни? Вы ведь отдаёте себе отчёт в том, что, вероятно, своим проездом вы прекратили мучения множества других животных. Почему же остановились сейчас?

Иванов С.А: (пауза) Он мог стоять на ногах. Наверное, это сыграло свою роль. Я не смог.

Дознаватель: Опишите подробнее то, что случилось потом. В рапорте есть ряд не вполне ясных моментов.

Иванов С.А.: Я писал достаточно подробно. Открылся портал. Лев прыгнул туда. Портал закрылся.

Дознаватель: Почему вы уверены, что это был именно портал? А не просто, скажем, точка аннигиляции?

Иванов С.А.: За порталом был другой мир. Я видел звёзды. И, кажется, деревья.

Дознаватель: Кажется? Значит, вы не уверены?

Иванов С.А.: Было темно. А это продолжалось доли секунды.

Дознаватель: Насколько, как вы считаете, реально увиденное вами?

Иванов С.А.: После того, с чем я столкнулся, понятие реальности для меня несколько расширилось. Но, если вы имеете в виду, не привиделось ли это мне, то мой ответ: «Нет. Не привиделось».

Дознаватель: Вы ведь действовали в зоне химического заражения. Особо опасным веществом, судя по симптомам, нервнопаралитического действия. Насколько велик шанс, что несколько молекул могли проникнуть сквозь защиту и привести к галлюцинациям?

Иванов С.А.: Если бы эта штука меня достала, я бы тут не сидел. В лучшем случае потерял бы память и остался там.

Дознаватель: А в худшем?

Иванов С.А.: В худшем – я мог сильно поменять свои взгляды. И это был бы во всех смыслах худший случай. В том числе для вас. Надеюсь, вы понимаете это.

1

У меня в детстве было два кота. Первый жил с нами с младенчества; был спасён из «мяукающей коробки» нашими друзьями, которые пристроили котят.

Второго я подобрал на дороге, взрослого. Возможно, его сбила машина. А, может, что похуже – ветеринар говорила, что его могли намеренно избить и выбросить из окна.

Он был очень плох. Истекал кровью. Едва шевелился. Когда я его подобрал, он ещё пытался вырываться и обмочился от страха.

Я совсем не был уверен, что он выживет, но, раз уж так получилось, что я вмешался в его судьбу – решил идти до конца. Отнёс его в ветеринарку. Потратил все накопления на лечение.

Потом мне самому пришлось делать прививки от столбняка и бешенства. Мама настояла.

К удивлению ветеринаров, кот выкарабкался. Но возникла другая проблема – он совершенно не признавал людей. Не давался не то что в руки – от одного вида человека у него случалась паника.

Родители были не в восторге от перспективы содержать двух котов в довесок к строптивому сыну. Я сказал, что попытаюсь сего пристроить, но для этого он должен заново

привыкнуть к людям. В конце концов, родители согласились.

Я ожидал проблем, особенно поначалу, и был к ним готов. Думал, что такой дикий кот будет гадить где попало, драть обои и мебель. Но я был не прав. Он прекрасно знал, что такое туалет. Скорее всего, он когда-то уже был домашним. А потом люди его жестоко предали.

Первые полгода кота вообще не было видно: он выбрал себе логово в самом дальнем углу под диваном на кухне и сидел там почти безвылазно.

Родители были довольны: как будто в доме вовсе нет второго кота. Для них ничего не изменилось.

Постепенно дикий кот подружился с домашним. Они стали играть вместе. Однако людей он по-прежнему чурался. За едой выходил, но пресекал любые попытки себя погладить.

Это продолжалось год. Потом два. Три. Все уже привыкли, что у нас есть «невидимый кот».

И только через четыре года, когда я уже готовился к поступлению в Академию, проснувшись среди ночи, я увидел два зелёных горящих глаза возле своих ног.

Кот долго смотрел на меня. Я затаил дыхание, боясь пошевелиться. Потом он медленно мигнул, потянулся и улёгся на кровати, прижавшись к моей ноге, тихонько заурчав.

Если бы не эта история с котом, наверно, я бы не поверил, что научники могут выкарабкаться. Пребывание под камнем в «прикладе» замка сломало их. Я смог достать их тела из той передраги – но их разумы по-прежнему блуждали где-то по

лабиринтам крошечного ужаса, созданного древней тварью, которая изобрела войну.

Уже больше года прошло с момента нашего возвращения. Но Льву и Михаилу лучше не становилось.

Врачи говорят, что могло быть хуже, после таких травм возможно вегетативное состояние. Это когда с формально живым мозгом человек может только лежать и питаться через трубочку.

Научники могли даже ходить и самостоятельно питаться. Правда, от этого иногда становилось жутковато: человек с пустыми глазами выполняет привычные действия, будто примитивный андроид.

На каждую встречу я старался принести подарок. Что-то привычное, из прошлой жизни; того, чего нет в санатории.

Вот и теперь я притащил мороженое. Классический пломбир в вафельном стаканчике, упакованный в специальный термопакет, чтобы выдержать поездку из аэропорта.

При входе персонал тщательно проверил его содержимое и даже сфотографировал чек из магазина в аэропорту, где я его купил. Мне было известно о порядках, поэтому чек я сохранил.

Михаил сидел в саду, в беседке, возле водопада и, как обычно, бесстрастно смотрел на прозрачные потоки воды. На его лысине играли солнечные блики.

– Привет! – подчёркнуто бодро сказал я, – рад видеть! Отлично выглядишь! Смотри, что у меня для тебя есть!

Я достал из пакета и протянул учёному стаканчик мороженого. Тот скользнул по лакомству равнодушным взглядом; тяжело, словно со скрипом, поднял руку и взял стаканчик нетвёрдой хваткой.

– Погодка сегодня отличная, да? – продолжал я, усаживаясь на плетёное кресло рядом, – и тут, возле воды, не так уж и жарко, да? А то внизу такое пекло... и на пляжах не протолкнуться. Не понимаю, почему народ продолжает сюда переться в таких количествах? В Сирии-то куда дешевле! Раньше-то у военных выезда за границу не было, но теперь в дружественные страны – пожалуйста, даже с допуском по форме два! Воентур, ого-го, как поднялся! В прошлом году в Латакии, знаешь, какой отель сдали в эксплуатацию?

Я старался говорить как можно больше. Делиться новостями. Рассказывать про внешний мир. Врачи говорили, что это должно помочь. Какая-то информация всё равно просачивается через слуховой анализатор до создания, которое спряталось глубоко в недрах информационной конструкции мозга.

Я рассказал про Алину. Про то, что она так и не хочет делиться своим прошлым, хотя, конечно, всё вспомнила – как и все, кто вернулся. Я, конечно, не настаивал. Когда мы познакомились – никакого прошлого у неё не было. И я любил её такой. А какой-то довесок из прошлой жизни не сможет испортить мне счастье.

Говорил про Пашку. О том, какой он – славный пацан.

Что он уверенно произносит слово «мама» и «вотьэтё» – указывая пальцем на то, что его заинтересовало. Врачи всерьёз опасались, что он пострадал, когда Алина болела вирусной гадостью – поэтому в нашем мире она из больницы не вылезала всю беременность. Но обошлось. Тьфу-тьфу-тьфу.

Упомянул Тревора. Он всё ещё ждал экстрадиции. Так же, как и его товарищи, попавшие в «приклады». Им, кстати, повезло меньше: содержали их в тюремном санатории на берегу Волги, где и условия, и специалисты были похуже, чем здесь.

С Тревором обходились гуманно, я это точно знал. Плотно общался с дознавателями и следками по его делу. В конце концов, его точно выдадут. Могли бы и обменять уже давно, но в Демократической Американской Конфедерации просто не было никого адекватного на обмен. Так что ничего не оставалось делать, кроме как ждать медленного стандартного пути.

В самом конце я очень коротко упомянул про Ваню.

В отличие от остальных, он почти не пострадал ментально. Каким-то образом у него отшибло память. Он не помнил о том, что был в прикладе. По его словам, его воспоминания обрывались на моём исчезновении. Нейрофизиологи подтверждали его слова, похоже, он действительно не помнил ничего об этом страшном эпизоде.

После карантина, который прошли мы все, и медкомиссии, Ваня продолжил службу. Он перевёлся на ТОФ, коман-

диром взвода морской пехоты. В Академию он поступать передумал.

Было ещё кое-что, о чём я не стал рассказывать Михаилу.

После возвращения Ваня сильно изменился. Повзрослел, стал серьёзнее и молчаливее. А ещё – в его глазах поселилось нечто хрустально-льдистое. Незвестное и незнакомое. Оно меня пугало – но я не мог сформулировать свои опасения и обосновать их, чтобы организовать направление на углубленное обследование. Да и, с моральной точки зрения, это был бы сомнительный поступок... парень прошёл через такое. Ему повезло, сохранил разум. Квалифицированные врачи подтвердили его адекватность и годность к службе. Зачем мешать?

Кажется, Ваня тоже чувствовал мои подозрения. Поэтому и организовал свой перевод подальше от конторы и меня лично.

Впрочем, я сам принял решение уйти со службы. Семейная жизнь, ребёнок и моя специальность несовместимы.

У меня было достаточно выслуги, чтобы получить пенсию. Но, конечно, сидеть на месте было бы тяжело – и я стал теоретиком и тренером, в одной известной частной военной компании. Там и платят хорошо, и условия более, чем достойные. К тому же доходы позволяют обеспечивать сыну лучшие условия сейчас и достойное образование в будущем.

Алина уже спланировала, что сын будет учиться в Цсиньхуа на физмате и нигде больше. Высокая планка, придётся

соответствовать...

Пока я говорил, на небе появились небольшие облачка. Нас накрыло лёгкой тенью, и от этого на миг лицо Михаила будто опять обрело способность выражать эмоции. Он словно нахмурился.

Я вздохнул. Посмотрел на хронометр на внешнем дисплее смартфона.

– Ну что ж, пора мне!

Михаил выронил мороженое. Липкий стаканчик растёкся кляксой по плитке. Я вздохнул, оглядываясь в поисках чего-то, чем можно было бы его поднять и отправить в ближайшую урну.

– Оно опять рядом... – в первую секунду я решил, что мне показалось. Голос Михаила был едва слышим, теряясь на фоне шума водопада.

Но его взгляд вдруг стал осмысленным. Учёный смотрел на меня.

– Что рядом? – осторожно спросил я, присаживаясь рядом на корточки, – Михаил. Вы узнаете меня?

– Серёжа... оно всё ещё там... это... – Михаил всхлипнул; по его щекам катились слёзы, – как быть? Как нам всем быть?

Дежурная медсестра, всё это время находившаяся неподалёку, осторожно ступая, направилась в нашу сторону. Она что-то быстро набирала на планшете.

– Всё будет хорошо, – твёрдо сказал я, – вы дома. С вами всё будет в порядке!

– Вы... ты... не можешь этого обещать. Ты не знаешь, не представляешь... оно – рядом! Мы все в опасности. Ты должен понять, – сказал он.

А потом его глаза снова стали стекленеть, уставившись куда-то вдаль.

Медсестра подошла. Встала рядом. Шёпотом спросила меня, наклонившись к уху.

– Пациент проявлял активность? Пойдёмте, пожалуйста. Это очень важно.

Я кивнул, встал и пошёл вслед за сестрой, забыв про мороженое.

Лечащий врач, молодой нейрофизиолог в круглых очках, встретил меня в своём кабинете на втором этаже главного корпуса санатория. Его окна выходили в сад с водопадом, где мы говорили с Михаилом.

– Я видел запись, – с порога начал он, – это впечатляюще! Спасибо вам! Вы оказали огромную, неоценимую помощь!

– Да... благодарю... – растерянно пробормотал я.

– Случай был почти безнадёжный. Но я настоял на том, чтобы дать вам возможность участвовать в терапии. И каким-то образом, за эти сотни часов, что вы разговаривали с пациентами, вы выбрали вербальный ключ.

– Вербальный ключ? – переспросил я.

– Вы сказали что-то очень правильное, – улыбнулся доктор, – то, что взломало внутренний блок. Мы проанализиру-

ем каждое ваше слово и жест. То, что вы сделали, поможет очень многим людям! Благодарю вас за терпение.

– А то, что он сказал? – осторожно спросил я, – оно... имеет какое-то значение?

– Для терапии – безусловно, – кивнул доктор, – но, пожалуйста, не оценивайте слова пациента как сознательное сообщение. Он всё ещё в изменённом состоянии, понимаете? Его сознание ищет, условно говоря, точку сбора. Нечто такое, на что можно опереться. И состояние тревожности, ожидание чего-то нехорошего может быть такой точкой. Оно даёт возможность мобилизации.

– Ясно, – кивнул я.

– Ещё раз благодарю, от всей души, – кивнул в ответ врач, – на сегодня, я думаю, достаточно. Второго пациента вы сможете посетить в следующий раз. Я опасюсь, что вы будете бессознательно копировать разговор – а это может быть даже вредно. Мы сможем понять и дать рекомендации по стратегии поведения после анализа.

– Ясно, – повторил я, – что ж. Тогда до встречи.

– До встречи, Сергей Александрович! Будем рады вас видеть!

Вопреки моим возражениям, Алина приехала в Шереметьево встречать меня. Вместе с Пашкой. Она стояла в зале прилёта с коляской и приветливо махала мне. Я в который раз поймал себя на мысли, что гражданская одежда идёт ей куда больше формы. На ней было розовое платье свободного кроя от Bosideng и пёстрые кроссовки от Li-ning. Ещё недавно такое сочетание казалось странным – но всё меняется, в том числе и мода. Благодаря Алине я даже научился различать популярные бренды одежды.

Я улыбнулся и помахал в ответ.

Багажа у меня с собой, конечно, не было – поэтому я сразу направился к выходу. Алина стояла чуть поодаль, чтобы не смешиваться с толпой. С коляской это было разумно. Я прошёл через ворота.

И в этот момент словно что-то холодное толкнуло меня в грудь. И мощные аэропортовые кондиционеры тут были ни при чём.

Сработала интуиция, спокойно дремавшая все эти долгие месяцы гражданской жизни.

Опасность, явная и близкая.

Секунда ушла на то, чтобы определить её источник. Светловолосый парень в спортивном костюме. Целенаправленно

двигается к Алине.

Она, наблюдая за мной, понимает: что-то не так.

Не думая, не рассуждая, она делает самую естественную и простую вещь в этой ситуации. Закрывает собой ребёнка.

Куртка у парня как-то неправильно топорщится. Я понимаю: под ней что-то есть. Отслеживаю его руки. Так и есть: одна в кармане. Что-то готовится сжать.

Я оцениваю дистанцию между нами. Он значительно ближе к Алине. Рывок ничего не даст: он успеет.

В отчаянии я прикрываю глаза. Мы в аэропорту: откуда тут взяться животным? Но мне везёт. Совсем рядом с парнем пожилая чета. Полный пожилой мужчина в легкомысленной цветастой рубашке и энергичная, худощавая женщина. Стоят рядом, вглядываясь в толпу прилетевших. У него на руках йорк. Девочка.

Колебаться нет времени. Сейчас или никогда. Я чувствую то, что чувствует собака. Запах взрывчатки. Она его никогда в жизни не ощущала, но ей тоже тревожно.

Моё зрение острее, чем у маленькой собачки. Я использую свои глаза, чтобы рассчитать прыжок.

Собачка напружинивается. Требуется все силы её маленького тельца. Я чувствую, как предельно натягиваются сухожилия.

Прыжок.

Ощущение чужой плоти и крови в зубах.

Удачно! Удалось схватить парня за большой палец руки,

которая была в кармане куртки.

Он орёт и пытается сбросить собаку. Я не сопротивляюсь – стараюсь только, чтобы она приземлилась удачно. И мне это удаётся. Собачка оказывается на руках хозяйки. Прежде, чем отпустить её, успеваю почувствовать собачье недоумение: она не ожидала от себя такой храбрости.

Удалось главное – выиграть время.

Я уже рядом с парнем. Хватаю и пытаюсь зафиксировать руки.

Он силён! Очень!

Но я быстрее. Я уже нащупал тумблер детонатора.

Мельком бросаю взгляд на Алину.

Её нет на месте: она вместе с коляской уже у выхода. Молодец!

Парень рассчитывает на грубую силу. Чувствует свои возможности. Но мы тоже не лыком шиты.

Используя инерцию его тела, хватаю за шею и ныряю между ног, продолжая удерживать тумблер.

Манёвр удаётся. Я даже успеваю улыбнуться: ведь второй попытки у меня не было.

Парень приседает и упирается лицом в гладкий мраморный пол. А его грузное тело продолжает лететь вперёд.

Трещат кости. Он рефлекторно дёргается.

Облегчение.

Но не время расслабляться: взрывное устройство всё ещё взведено. Там могут быть дистанционные взрыватели и тай-

меры.

Я осторожно расстегнул спортивную куртку. И присвистнул от удивления. Серьёзные люди готовили этого парня. Бинарная жидкая взрывчатка в двух резервуарах, карбоновый корпус с керамическими поражающими элементами. Три объёмных детонатора: ручной, радио и таймер.

Я мгновенно вспотел, лихорадочно вспоминая всё, что нам преподавали по сапёрному делу.

Главное – это понять, сколько осталось времени и где находится контролёр. По идее, он давно уже должен был активировать устройство. Сбой? Нет связи? Или выжидает? Но чего?

Я огляделся. Вокруг меня кольцом собрались люди. И каждую минуту подходили новые: необычный инцидент вызвал любопытство.

И ведь «Назад! Бомба!» не крикнешь! Контролёр активирует заряд, наверняка... что там с таймером? Вместо нормальный цифр на дисплее непонятные символы. Блин, серьёзные ребята! Даже в таких мелочах шифруются.

Варианта всего два: накрыть телом парня корпус с поражающими элементами, направив энергию взрыва в пол и самому лечь сверху. Или попытаться наугад разорвать цепи. Все три одновременно.

Подумав мгновение, я решил объединить эти решения.

Схватился за выбранные провода. Перевернул парня. И, зажмурившись, дёрнул.

Взрыва не последовало.

Толпа ахнула и расступилась.

– У него, что бомба? – в напряжённой тишине спросила какая-то женщина.

– Бомба! – тут же подхватила толпа, расступаясь в разные стороны.

Хорошо, что зал прилёта был очень просторным. В наступившей панике обошлось без жертв и даже без пострадавших. Насколько я мог судить, по крайней мере.

Через пару минут ко мне подошли сотрудники службы безопасности и полицейский, усатый седой мужик, тощий как жердь.

– Медленно встаньте и поднимите руки над головой, – попросил он, и тут же добавил: – пожалуйста.

– Хорошо, – ответил я, поднимаясь на ноги, – свои. Я могу достать удостоверение?

– Где оно?

– В кармане брюк, – ответил я, благоразумно удерживая руки над головой, – в правом.

– Дим, посмотри, что у него там, – попросил полицейский одного из сотрудников службы безопасности.

Тот подошёл ко мне. Улыбнулся, вроде как извиняясь. И запустил руку в правый карман, доставая моё конторское удостоверение. Хотя я и был официально на пенсии – у нашего подразделения сохранялись определённые привилегии. Официально это оформлялось как должность консультанта

на полставки.

– Лежать! – неожиданно воскликнул полицейский.

Я от неожиданности даже подпрыгнул. И только потом сообразил, что он обращался не ко мне.

Несостоявшийся террорист шевелился.

Я даже головой потряс: это было невозможно. После такого перелома шеи больше не шевелятся.

Но мужик двигался. Внутри него что-то щёлкнуло. Он подобрал под себя ноги.

– Я сказал лежать! – повторил полицейский и прицелился в террориста из станнера.

Тот поднял голову. Зыркнул на нас налитыми кровью глазами. И, раскрыв пасть, зарычал.

Это была именно пасть: два ряда конических, как у акулы, зубов. Остроконечный язык.

– Какого фига! – взвизгнул охранник, отпрыгивая в сторону.

Краем глаза я заметил какое-то движение. Посмотрел в ту сторону. Алина снова вошла в зал. Одной рукой она прижимала к груди сына. В другой держала керамический метательный нож. «Не-е-ет! Не надо!!!» – успел крикнуть я. Расстояние слишком большое – попасть сложно. А я не хотел, чтобы тварь обратила на них внимание.

Но Алина невозмутимо прицелилась. И изящным движением метнула нож.

Она промазала совсем чуть-чуть – на пару сантиметров.

Тварь, на которой была бомба, успела чуть пошевелить головой; достаточно, чтобы лезвие не вошло в глазницу.

Но тут вмешался я. Поймав нож, я чуть повернул рукоятку. И вогнал лезвие в левое ухо зубастой твари.

В кабинете службы безопасности нас продержали два часа. Пока не прибыли мои коллеги.

– Сергей Александрович, предлагаю выделить пару ребят из «тяжёлых» на охрану, – сказал Артём, оперативник из объектового отдела по транспорту, – я запрошу?

В любое другое время я бы отказался. Но теперь, вспоминая свои ощущения в то время, как террорист приближался к Алине с сыном, я только согласно кивнул головой.

– Да, спасибо. Не помешает.

– Завтра заедете в аппарат? Могу дать подтверждение?

– Конечно, – ответил я, – без проблем.

– Спасибо, – кивнул Артём.

– Тогда мы поехали? – я поднялся с неудобного кресла и потянулся. Ноги неприятно затекли.

– Охрану будете дожидаться?

– Пускай к дому придут, хорошо? Доберёмся как-нибудь сами.

Артём нахмурился на секунду, но потом согласно кивнул.

– Я бы не рекомендовал, но понимаю вас. Если ребёнок проснётся – будет тяжело.

Я улыбнулся в ответ.

Аэропорт снова жил обычной жизнью. Зал прилётов наполнился встречающими. Разве что охранники были непривычно хмурыми и сосредоточенными.

– Как ты? – спросил я Алину; она всё так же держала сына на руках. Я толкал перед собой пустую коляску.

– Нормально, – холодно ответила она и тут же добавила: – блин, Серёж, что это было?

– Хотел бы я знать...

– А вот я совсем бы не хотела.

– Завтра скатаюсь на службу. Протокол экспертизы должен быть уже готов. Узнаю, что и как.

– Мы договаривались, что ты с Пашкой останешься, – заметила Алина, – мы с подругами встречаемся, помнишь?

Действительно, я уже забыл об этой договорённости. Перед отлётом обещал посидеть денёк дома с сыном. Конечно, в любой другой семье встал бы вопрос о няне – но я попробовал как-то раз заикнуться о такой возможности. И нарвался на суточный «бойкот»: ровно столько Алина не разговаривала со мной.

– Извини, но придётся отменить, – ответил я.

– Из-за какого-то психа террориста?

– Ты сама видела эту тварь. Какой псих? Какой террорист? Это, во-первых, – ответил я, – а во-вторых, он направлялся к вам. Вы были целью.

– Ты серьёзно? – Алина посмотрела на меня, удивлённо подняв правую бровь.

– Поэтому я и засёк его. Почувствовал угрозу для вас.
Дальше до авто шли молча.

Парковка была полупустой, что не удивительно – время приближалось к полуночи. Я дотронулся до сенсора на ручке двери, та тихонько щелкнула и приоткрылась.

Алина осторожно, стараясь не разбудить, переложила Пашку в кресло, установленное на заднем сиденье. Аккуратно пристегнула его.

– Сам поведёшь? – спросила она, закрывая заднюю дверь.

– Давай, – кивнул я.

Вообще-то, можно было поехать и на автопилоте. Наш, от компании Changan, был лицензирован для России ещё два года назад. Но Алина отказывалась доверять электронным помощникам. Она даже удержание в полосе отключала, когда садилась за руль.

Прежде, чем тронуться, я поставил акустическую систему на режим шумоподавления и проверил заряд батареи. Сто процентов.

– Ты где зарядиться успела? – удивился я.

– Не заметил, что ли? – улыбнулась Алина, – тут появились места с беспроводной зарядкой.

– Вот как... – ответил я, приоткрыв бардачок. «Удав» был на месте. Конечно, у меня было разрешение, и я мог даже взять оружие с собой в полёт, но для этого пришлось бы пройти специальную регистрацию, сдать его в службу без-

опасности, а по прилёту получить там же. Лишняя трата времени, как мне казалось.

Поколебавшись секунду, я достал оружие и положил его рядом на полочку для телефона.

Алина, увидев мои манипуляции, тревожно огляделась.

– Заметил что? – спросила она.

– Нет, – я покачал головой, – на всякий случай.

Домой мы доехали без приключений.

– Что значит «на несколько дней»?! – бушевала Алина, – с чего вдруг такая потребность?! Сам же говорил – сейчас лучше никуда не высовываться и ждать, пока ситуация прояснится.

– Я говорил про вас, – ответил я, продолжая собираться.

– Вот как?! Про нас?! Значит, мы отдельно, ты отдельно, так?

Я остановился. Подошёл к Алине. Осторожно взял её за плечи, притянул к себе, обнял и поцеловал, ощущая, как медленно расслабляются мышцы у неё на спине.

– Мне не понравился разговор сегодня утром, – сказал я, погладив её по спине, – я должен выяснить, что на самом деле происходит.

Не понравился – это ещё мягко сказано. Новое руководство Управления, похоже, решило, что после выхода на пенсию оперативники сдают мозг куда-то на хранение в недра конторы. Обсуждать результаты исследования трупа нападавшего отказались, сославшись на то, что у меня уже год как нет соответствующего допуска. Ладно хоть охрану подтвердили и оставили, пока на месяц. Иначе у меня были бы связаны руки.

– И для этого надо лететь на другой конец страны? – спро-

сила Алина.

– Там, похоже, есть зацепка, – ответил я.

– Ладно. Пара дней. Не больше. Выяснишь всё – и обратно. Договорились?

– Конечно, – улыбнулся я, – договорились!

– Какой авиакомпанией летишь?

– «Аэрофлот», кажется, – я пожал плечами.

– Проверь! Главное, чтобы не «Россия». У них всё ещё летает американская древность! – настаивала Алина.

– Ладно-ладно, – я прервался, достал смартфон и вывел на экран посадочные, – вот. Аэрофлот, точно.

Алина внимательно изучила документ и удовлетворённо кивнула.

– Тебя подвезти? – спросила она.

– Не надо. Пашку лишний раз таскать туда-сюда. Зачем? Такси закажу!

– Только не беспилотное!

– Обычное дороже, – заметил я.

– Ты вроде можешь себе позволить.

– Ладно, договорились!

За разговором я закончил собирать чемодан. «Удава» в этот раз я тоже решил взять с собой. Поэтому в аэропорт придётся заехать пораньше.

Такси, как и обещал, вызвал дорогое, с живым водителем, бизнес-класса. Через семь минут сработал сигнал на въезде в посёлок: машина была на месте, и охрана запрашивала про-

пуск.

– Люблю вас, – сказал я, направляясь к входной двери.

– Мы тебя тоже, – вздохнула Алина, – звони там.

– Конечно, – кивнул я. И вышел на улицу.

Мы жили в Новой Москве, за Троицком. Я купил таунхаус в небольшом посёлке по военной ипотеке. Стоил он – примерно как двушка внутри МКАДа. Конечно, каждый день до центра добираться было бы проблематично, но я ведь не офисный работник. И в центре бывал не так уж часто. Больше по командировкам мотался. Да и учебный центр ЧВК, куда я устроился, находился за городом. Минуть двадцать на машине от дома. Удобно. И это, кстати, было не последним фактором, когда я раздумывал над тем, принимать ли их предложение.

На работе тоже пришлось взять отгул, но с этим проблем не возникло. Следующий поток запускают только через пару недель.

Через пару минут подъехало такси. Приятный сюрприз: система сделала апргрейд и вместо бизнес-класса прислала представительское авто – Hongqi последней модели.

За рулём был мужик в белой рубашке, примерно моего возраста.

– Вы один поедете? – спросил он с характерным южнорусским акцентом, помогая загружать багаж.

– Да, – кивнул я, – спасибо.

Я занял переднее кресло. Для этого его пришлось отодви-

нуть – обычно пассажиры таких такси ездили на заднем диване.

Пока выезжали на трассу, водитель то и дело бросал на меня любопытные взгляды.

– Простите за бестактность, но вы – военный, верно? – наконец, решился спросить он. Официально это не поощрялось, но фактически состоятельные клиенты предпочитали переплачивать, чтобы иметь возможность перекинутся парой слов с водителем по дороге. Выговориться в расслабляющей обстановке. Говорят, продвинутые водилы с высоким рейтингом даже специально заканчивали курсы по психологии, чтобы быть хорошими собеседниками. Это окупалось: довольные клиенты оставляли больше чаевых.

– Ага, – кивнул я, – в запасе.

– О, это хорошо! – улыбнулся водитель, – теперь можно и для себя пожить, так?

– Вы тоже служили? – предположил я.

– Ну, можно и так сказать, – вздохнул водила.

– Плен? – догадался я.

– Ага... – кивнул он; откровенный мужик. Обычно такое стараются скрывать. Не то, чтобы из-за этого могли быть какие-нибудь неприятности. Скорее, этого просто стесняются, – в двадцать втором, в самом начале попал.

– Повезло, – заметил я.

– Да как... – вздохнул водитель, – хотя, наверно, повезло, конечно. Жизнь есть жизнь. Ценить надо.

– Семья есть? – спросил я.

– Неа, – он помотал головой и грустно вздохнул, – жена была. Но не дождалась из плена. В Польше осталась. Нашла там хахаля какого-то. А вы в наших краях как? Успели повоевать или не застали уже?

– Успел, – кивнул я, – к сожалению.

– Понимаю...

Помолчали.

– Тут какими судьбами? – я решил продолжить разговор. Раньше, до того, как побывал на другой стороне, я бы не стал говорить. Зачем, когда всё ясно? А теперь этот немолодой, битый жизнью мужик вдруг вызвал у меня сочувствие.

– Да ребята позвали, – вздохнул он, – сейчас ведь без образования нормального сложно зарабатывать. А тут деньги нормальные. Правда, соображать надо. Людей чувствовать. Я вот курсы по психологии закончил. В долги влез, чтобы оплатить. Но окупается вроде.

– Хорошие курсы, – одобрил я, – толковые.

Действительно, мужик сразу почуял, что со мной сработает откровенность. И повёл себя соответствующим образом.

Водитель рассмеялся.

– Думаете, я на вас отрабатываю полученные знания, да? – спросил он.

– А разве не так? – улыбнулся я.

Он вздохнул.

– Так, наверное... было. Вы уж не обижайтесь, но есть в

вас что-то такое... пугающее. Я сначала подумал, что понял вас. И вроде всё шло как надо. Но вы, наверное, слишком многое повидали. Даже по нашим меркам. В общем, иногда заработок не главное. Так что не держите зла, ладно?

– Не буду, – пообещал я и добавил после небольшой паузы, – сами-то откуда? Какой город?

– Одесса, – ответил мужик.

– Хороший город. Бывал там.

– После войны в Николаеве на восстановлении работал. Вот там сейчас по-настоящему хорошо. Красиво. Старались, на совесть строили.

– Будет возможность обязательно побываю, – пообещал я, – остаться решили, чтобы родной город не покидать? Но всё равно в Москву переехали?

– Ну а какие варианты были? В Польшу репатриироваться, в автономию? Так я вроде не совсем западенец...

Ещё несколько лет назад я бы, наверное, прочитал целую лекцию по этногенезу и психологической войне. Но теперь это показалось лишним и совершенно неуместным.

– Дальше что думаете? – вместо этого спросил я.

Водила вздохнул.

– Отучиться попробую. Вроде не дурак. И денег должно хватить. А там – кто знает? Может, и семью заведу. Детей хочу. Очень.

– Семья – это очень хорошо. Это правильно, – кивнул я.

– Скажите, а у вас... кто-то был на нашей стороне? –

неожиданно спросил водитель.

– Был, – вздохнул я, – у многих так. Это обычно для гражданской.

– И то правда...

– Почему вы спросили?

– У меня брат двоюродный. Донецкий – он. Вот он в плен и взял. Представляете, как бывает? – он грустно ухмыльнулся, – и хорошо, что он попался, а то бы я не сдался ни за что. Страшно было, рассказывали много всякого... а с вашими не пересекались? Там, в смысле?

– Пересекался, – ответил я.

– Тоже в плен взяли?

– Нет, погиб он. «Солнцепёком» накрыло, – ответил я, покачивая головой. И зачем-то добавил: – а потом я его с того света вытащил.

Водила внимательно посмотрел на меня. Я почти физически ощущал, как он цепенеет от страха.

Остаток дороги мы молчали.

Самолёт попался совсем новый. Отечественный МС-21-400. Узкофюзеляжный, с одним проходом – но в бизнес-классе были установлены кресла-коконы, которые раскладывались в полноценные кровати. Как на старых европейских и американских самолётах. Так что в полёте я отлично отдохнул и выспался.

Это было очень кстати: мы прилетели утром, и до вечера

мне нужно было себя чем-то занять. Часто туристы при смене часового пояса совершают распространённую ошибку и укладываются спать в гостинице сразу по прилёту, не давая возможности организму адаптироваться к новым световым реалиям.

Но я к их числу не относился. Поэтому, заселившись в гостиницу и приняв душ, я отправился гулять по городу.

Погода стояла жаркая. Можно было взять машину и поехать на Шамору купаться, но вместо этого я просто бесцельно шатался по улицам, наслаждаясь новым городом.

В центре было довольно много туристов, в основном, из Китая, но попадались и корейцы. Стараясь уйти подальше от популярных мест, я забрался на сопку, где обнаружил отличный панорамный ресторан с морской едой. Пока ждал заказ, позвонил Алине, в Москве как раз наступило утро.

Дома было всё спокойно. Выделенная охрана бдела.

Так, незаметно, прошёл день. Когда солнце клонилось к закату, я вызвал беспилотник и поехал к дому Ивана.

Его адрес, конечно, мне был известен. Ему выделили служебную квартир, в десяти минутах ходьбы от части, в военном поселении за городом. Я добрался туда всего за двадцать минут. Говорят, раньше здесь были жуткие пробки. Но за последнюю пару лет построили какое-то нереальное количество новых дорог, развязок, эстакад и многоэтажных парковок, что сильно улучшило дорожную ситуацию.

Поглядев на часы, я отпустил машину и направился ко

входу в комплекс.

Военный городок ничем не отличался от обычных кампаундов комфорт- и бизнес-класса. Аккуратная огороженная территория, вежливые консьержи и охранники на входах. Пришлось показать корочку, чтобы попасть внутрь.

Во дворе, на хорошо оборудованных площадках, резвились дети. Рядом, в скверике, на лавочках устроились офицерские жёны с колясками. Приветливо кивнув им, я направился к нужному корпусу.

Ваня появился ровно через пятнадцать минут после окончания рабочего дня в части. Я опасался, что он мог оказаться на дежурстве или в командировке. У меня не было возможности уточнить такие детали заранее до отлёта – это привлекло бы ненужное внимание. Так что пришлось рискнуть.

Увидев меня, Ваня сбился с шага, но не остановился.

– Какими судьбами? – спросил он, когда подошёл.

– Да вот, – ответил я, протягивая ладонь, – решил заглянуть на огонёк.

Он посмотрел на мою руку. Но потом всё-таки ответил на пожатие.

– В командировке тут, что ли? – предположил Иван.

– Нет, частная поездка, – ответил я, и добавил, кивнув на его погоны, – вижу, старлея получил. Поздравляю!

– Вроде как положено уже, – ответил Ваня, чуть смутившись, – спасибо.

– Поговорить надо, – сказал я.

Ваня обречённо вздохнул.

– Точно надо?

– Да, – кивнул я, – теперь точно. Кое-что случилось.

– Ладно. Где говорить будем? Поднимешься, или пойдём, погуляем?

– Лучше погуляем.

– Хорошо. Тогда я переоденусь быстренько. На спортплощадкуходим, лады?

– Договорились, – кивнул я.

Через пару минут Ваня вернулся в спортивных шортах и майке.

Спортплощадка находилась в глубине парка. Сейчас, в жару и среди недели, тут было совсем мало народу – то, что нужно для конфиденциального разговора.

Мы остановились возле скамьи для пресса. Ваня посмотрел на меня с тоской. Помял ладони, как перед разминкой.

– Ну вот. Пришли, вроде, – сказал он.

– Я знаю, что ты не всё забыл, – сходу начал я.

– Я никогда не говорил, что всё, – Ваня пожал плечами.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Он обречённо вздохнул.

– Откуда?

– Ты плохо шифроваться умеешь, – честно ответил я, – это сильно тебя изменило.

– Почему не сдал?

– Уверен, ты не опасен, – сказал я, – а скелеты в шкафу...

в моей работе не бывает людей без них.

– Всё так, – вздохнул Ваня, – но, если бы я рассказал, твои коллеги никогда бы меня не выпустили. Никогда. А, может, додумались бы использовать...

– Ты прав. Скорее всего, так и было бы, – кивнул я, и на помнил: – но я больше не в конторе.

– У вас бывших не бывает.

– И это тоже верно. Но не тогда, когда дело личное. Алину пытались атаковать.

Ваня посмотрел мне в глаза.

– Она в порядке? И малыш?

– Да, с ними всё хорошо.

– Кто это был?

– Какая-то зубастая тварь, замаскированная под человека, – ответил я.

– Зубы острые, треугольные такие, как у акулы? – уточнил Ваня.

– Угу.

– Где она сейчас?

– Думаю, в морге конторской судмедэкспертизы, – я пожал плечами, – они зажали результаты вскрытия. Я не смог надавить.

– Она... мертва? – Ваня посмотрел на меня с недоверием.

– Ну, да, – ответил я, – правда, умирать сразу не захотела. Я сначала думал, что шею ей сломал – но она каким-то образом восстановилась и пыталась снова атаковать.

Ваня смотрел на меня со смесью страха и уважения.

– Ты встречал таких? – спросил я.

– Такого, – ответил Ваня, – одного. Хотя уверен, что есть и другие. Мы с ним договорились.

– Объясни.

Ваня почесал затылок. Вздыхнул. Помялся. Но потом всё-таки ответил.

– Все почему-то решили, что приклады – это просто такой ритуал. Даже учёные, с которыми я говорил, не пытались понять на самом деле. Просто принимали это как данность того мира... а это – не так. Та штукавина, куда нас посадили, она была очень... – он пошевелил ладонью, подбирая подходящее слово, – просчитана. Практична. Понимаешь, люди, даже те, кому вроде бы по долгу службы нужно видеть дальше своего носа, сфокусированы на содержимом миров. Нашего и того, где ты был. Из разговоров с учёными я понял, что они представляют себе мультивселенную как мешок с относительно изолированными шариками, вмещающими привычные нам пространства со звёздами и галактиками. Они изучают свойства материальных объектов, не понимая их настоящую природу.

– А ты вдруг понял? – я поднял бровь.

– Серёг, я совсем не тот лейтенант, которым был, когда попал в приклад... кстати, ты знаешь, сколько я продержался после того, как ты пропал?

– Нет, – я покачал головой, опустив взгляд, – не знаю.

Честно признаться, я боялся об этом спрашивать. Всё ещё чувствовал себя виноватым.

– Три месяца, – ответил Ваня, – три очень долгих месяца. За это время я очень многое узнал о том, чем занимались ученые. У меня выхода другого не было – я штудировал их материалы, просто, чтобы не сойти с ума. У них было довольно много теоретических вещей закачано, можно было разобраться...

– Ты взломал планшеты? – удивился я, – но как?

– Знаешь, в такой ситуации мозг работает совсем по-другому, – хмыкнул Ваня, – в другое время я бы ни за что подобное не провернул. А так – я сделал копии отпечатков пальцев с помощью ремонтного набора. Там были необходимые полимеры.

– Круто, – кивнул я, – молодец.

– Поэтому я знаю, о чём я говорю, – продолжал Ваня, – Серёг, всё, что мы видим вокруг – это информация. В самой основе привычной нам физики лежит информация. Знаешь, почему всё квантуется? Даже гравитация, о чём учёные ещё не знают точно, но уже догадываются? Да потому, что всё дискретно. Нет ничего, кроме информации. Во всех вселенных.

– Мы как-то далеко ушли от темы разговора, – заметил я.

– Ты хотел понять, – Ваня пожал плечами, – я не знаю, как объяснить по-другому.

– Извини. Продолжай.

– Замок, который строил... строило то существо с другой стороны. Извини, я не могу считать его человеком. Он перестал им быть за все эти тысячи лет.

– Сейчас он больше человек, чем раньше, – я пожал плечами, – по крайней мере, врачи и психологи так считают.

– Они оставили его в живых? – удивился Иван.

– Да, – кивнул я, – он знает много важного по военной теории. Наш генштаб вцепился в него клещами.

– Большая ошибка, на мой взгляд... ну да это их проблемы, – Ваня вздохнул, – так вот, Замок – это что-то вроде колодца со стенами, проложенными между вселенными. Стены этого колодца сделаны из сложных информационных структур. Из живых людей, Серёг, это самая «толстая» информационная структура, доступная в нашем мире.

Он посмотрел мне в глаза, ожидая реакции. Но я промолчал.

– Думал, ты спросишь, а где же именно проложен этот колодец, – продолжил Ваня, – это – самое главное.

– Разве там есть понятие «где»? – ответил я.

– Там есть всё сразу, – улыбнулся Ваня, – как я уже сказал, мультивселенная – это не банка с шариками, которые между собой соприкасаются. Там Хаос, Серёг. Всё сразу. И одновременно ничего. Смыслы и создания, без собственных вселенных, очень гибкие, формирующие свои законы, поглощающие любые другие смыслы, любую информацию. Каждая упорядоченная вселенная защищена оболочкой соб-

ственных незыблемых законов. У нас это скорость света, термодинамика, энтропия, это вот всё... там, между – всё это не догма, – он вздохнул, – как только колодец был намечен – Хаос начал разъедать его стенки. Как кислота. А, как я уже сказал, стенки эти состоят из человеческих разумов...

Я закрыл глаза. Подумал о учениках. Как можно было быть таким наивным! И всё же Михаил ведь заговорил... то, что от него осталось. Значит ли это, что он смог восстановить свою личность из ошмётков?.. или... что, если со мной говорил *не он*?

– Как ты уцелел? – спросил я.

– Одно из созданий объявило меня своей территорией, – сказал Ваня, – и оно было достаточно сильно, чтобы удерживать контроль. Я думаю, что раньше оно обитало в одной из нормальных вселенных – но что-то случилось, и существа, подобные ему, потеряли свой мир. Оказались выброшенными в хаос. Он был один из самых сильных, поэтому смог выжить. Сохранить свою информационную структуру.

– И что, оно тебя не трогало после того, как захватило контроль?

– Мы... договорились, – вздохнул Ваня, – я понял, как приоткрыть стенку, когда колодец был бы закончен.

– Ты готов был отдать ему наш мир? – холодно спросил я.

– Не наш, – Ваня покачал головой, – только тот, куда вы ушли. Где обитал этот... которого вы теперь в качестве консультанта держите.

– Я его ни в каком качестве не держу. Это решение командования, к которому я теперь никакого... – я осёкся, поняв, что оправдываюсь, – с чего бы взял, что оно бы тебя послушалось?

– Оно бы, конечно, не послушалось, – Ваня пожал плечами, – но природа тоннеля такова, что я мог выбирать, в какую сторону его открыть для этого создания.

– Но ты всё равно его впустил. Так?

– Нет, – Ваня помотал головой, – тот, который меня держал, погиб. Слился с Хаосом. Не смог удержать свою структуру, когда твой другой приятель из мира войны пробил альтернативный путь, через который вернул вас обратно. Колодец ведь так и не был достроен!

– Не понимаю... с чего ты взял, что штука, напавшая на меня, вообще тогда имеет к этому отношение? И откуда ты знаешь, как оно выглядело? Про зубы эти...

– Оно транслировало свой внешний вид. Который у него был когда-то, там, в его вселенной. Когда мы соприкасались разумами.

Меня передёрнуло.

– Всё верно, я получил от него некоторые знания. Но совсем не хочу ими делиться, уж извини. Не сдавай меня, Серрёг, ладно? От этого точно никому не будет лучше. Хотя... может, это уже и не имеет значения...

– Ты о чём?

Ваня вздохнул.

– Если одно из этих существ проникло к нам, значит, где-то есть прореха, – он посмотрел на меня. Потом приблизился почти вплотную и прошептал: – возможно, она не случайно возникла. Понимаешь?

Я понял. И от этого холодок пробежал по спине.

– Постой... это всё равно не имеет никакого смысла, – сказал я, – эта штука хотела взорвать мою семью. Она бы тоже погибла. Зачем ей это?

Ваня улыбнулся и покачал головой.

– Серёг, ты удивительно быстро забыл то, что видел, – сказал он, – смерть – это ведь не то, чем она кажется. Алина могла дважды умереть насильственной смертью в этом мире, нарушая все законы. К чему бы это привело? Не берусь посчитать – но ставлю на то, что дыра, соединяющая нашу вселенную с Хаосом, стала бы куда шире.

Только теперь я, наконец, понял.

– Ваня, у тебя ведь семьи нет, так? – спросил я. – А родители?

– Видишь, – улыбнулся Ваня, – дошло всё-таки. Родители есть, конечно. Я их уже полгода как перевёз сюда поближе. Чувствовал, что так просто это дело не закончится. Они в небольшом посёлке, в глуши. Не уверен, что это поможет, кода начнётся большая заваруха – но какой-то шанс будет.

– А сам? – осторожно спросил я.

– А что сам? – улыбнулся Ваня, – я – военный. Присягу давал. Значит, таков путь.

Ещё в двадцать втором я понял, насколько хрупка окружающая нас реальность. Что человеческому безумию нет границ, и ядерная война вполне реальна. Тогда я начал строить свою собственную базу. Чтобы пережить хаос и, если сильно повезёт, поучаствовать в восстановлении цивилизации.

В то время уже существовали коммерческие организации, строящие бункеры «под ключ», по готовым проектам. Только цены у них были несколько завышены, мягко говоря.

Конечно, как боевой офицер уже в то время я зарабатывал довольно прилично. Но всё-таки не на уровне олигарха, на которых были рассчитаны коммерческие бункеры. Пришлось во всё вникать самому.

Для начала я выбрал место. Долго колебался между севером Красноярского края и Алтаем, но, в конце концов, остановился на втором варианте. Решающим оказался фактор физической географии. Алтай южнее. По расчётам, меньше пострадает от климатических изменений. Да и места красивее, чего уж там.

Участок нашёл на Чуе, недалеко от села Чаган-Узун. Цена уже в то время показалась мне завышенной, но, немного поторговавшись, я смог купить эту землю.

Ещё год ушёл на геологические изыскания. Благо в Гор-

но-Алтайске нашлась подходящая контора, принадлежащая крупному добывающему холдингу, с руководством которой удалось договориться о небольшом «леваке». Я хотел у них же заказать проект самого убежища, но таких специалистов у них не было. Московские цены на такие работы мне тоже не подошли. Обращался в три разные конторы. Каждая выставила цену, сопоставимую со стоимостью квартиры в нормальном спальном районе. Тогда я опять проявил смекалку и во время очередной командировки нашёл подходящую организацию в Благовещенске. Сделали всё в лучшем виде.

Строительство заняло долгих пять лет. Каждый отпуск проводил на объекте – а отпуска у меня уже в то время были минимум по шестьдесят суток.

Наверное, в предыдущие десятилетия такая стройка была бы безнадёжным занятием из-за неразрешимых проблем с логистикой. Но в эпоху кардинальной переделки всех товарных потоков всё оказалось проще. Позитивную роль сыграла географическая близость с Китаем. Всё необходимое таскали фурами из Синьцзяна.

После того, как сам бункер с небольшим коттеджем наверху для прикрытия был построен, я занялся изготовлением и монтажом систем, которые должны были обеспечивать автономность. С системой фильтрации воздуха проблем не было – в Китае производили прекрасные и недорогие установки. Причём я взял такую, которая год могла проработать вообще в полном вакууме на регенерации. Сложнее оказалось с во-

дой. Я не стал полагаться полностью на фильтры и запас, а в дополнение к ним сделал глубинную скважину, чтобы брать воду из горизонтов, куда даже при самом плохом раскладе радионуклиды не просочились бы. Это оказалось довольно дорого. Подготовка водоснабжения и водоотведения заняла пару лет – пока на моём счету не накопилась достаточная сумма.

Ещё сложнее было с энергетикой. Конечно, я сделал большой запас газа, которого хватило бы на несколько месяцев обогрева и работы генератора, но мне нужно было нечто большее. Я даже заглядывался в сторону изотопных реакторов, но добыть такую штуку легально было совершенно невозможно. А рисковать своей карьерой я готов не был.

Потом я нашёл в одном из китайских каталогов генератор, работающий на разнице температур на различных глубинах. Для него прекрасно подходила существующая водяная скважина. Конечно, мощность он выдавал не ахти какую, но тут помогали аккумуляторы. Они сглаживали пиковые нагрузки в суточном цикле и, по расчётам, при должной экономии с таким источником энергии вполне можно было прожить.

А ещё я поставил солнечные батареи. Новейшую модель, вырабатывающую электричество даже в облачный день. Панели складывались и убирались под землю с помощью специального привода, чтобы благополучно пережить первые месяцы катаклизма.

После того, как все инженерные системы были смонтиро-

ваны и протестированы, я занялся запасами.

Консервы – это, конечно, хорошо, как быстрое решение на первые несколько месяцев. Но, во-первых, они не то чтобы полезны для здоровья. И, во-вторых, часто срок хранения не превышает пару лет. Казалось бы, надо ли думать о здоровье, когда задача – выжить? Надо, на самом деле. Ещё как надо. Особенно в таких условиях, когда нет возможности получить квалифицированную медицинскую помощь в полном объёме.

Поэтому я поставил несколько холодильников. Это оказалось совсем не сложно – всего в паре десятков метров от участка нашёлся выход естественного ледника. Так что на хранение энергии почти не тратилось.

Я оборудовал парник с гидропоникой и запасом обычного грунта, который мог давать достаточный запас овощей для питания трёх человек. Запас семенного материала.

Сделал даже небольшой курятник и инкубатор, но на них я особо не рассчитывал. Только если удастся в последний момент взять некоторое количество оплодотворённых яиц в соседней деревне, а это, конечно, безо всяких гарантий.

Я слышал, что куриные эмбрионы научились замораживать и выводить из заморозки с последующим развитием, но в коммерческом доступе подобных технологий мне обнаружить не удалось.

И самое главное – у меня, конечно же, была огромная база знаний на всех возможных носителях, включая бумажные.

Я поставил даже пару станков с ЧПУ и три-дэ принтер, чтобы в случае чего можно было потихоньку восстановить технологическую базу, хотя бы на уровне начала двадцатого века. Всё это добро я купил на аукционах, которые устраивали предприятия, проходящие технологическое обновление. Оно было не новым, но вполне рабочим.

Про мою тайную базу, конечно же, никто из моего окружения не знал. Начальство было уверено, что я оборудовал себе турбазу для выхода на пенсию и в детали не вникало. С другими же оперативниками нашего отдела мы и по рабочим вопросам часто общались неохотно, вынуждено – не говоря уж от том, чтобы обсуждать какие-то моменты в личной жизни.

В построенном мной месте я даже успел пару раз отдохнуть до всей этой заварухи на Новой Земле. Алина про него не знала. Хотел сюрприз сделать, свозить на отдых, как только Пашка немного подрастёт.

Что ж. Придётся реализовать этот план немного раньше.

Обратный билет я брал с открытой датой. Девушка в представительстве «Аэрофлота» недовольно морщилась, разглядывая список на регистрацию. Даже предложила мне вылет на завтра, мол, «сегодня мест нет». Пришлось побыть убедительным, продемонстрировав документы. После этого место мгновенно нашлось.

Тут же я купил три билета на завтра, по маршруту Москва

– Барнаул. Фотографии документов Алины и Пашки были у меня с собой в телефоне; предосторожность, оказавшаяся совсем не лишней.

Уже в зале вылета я позвонил Алине.

– Привет, – сказал я, – как вы?

– Мы отлично. Спать укладываемся, пообедали только что. Ты как? Когда обратно?

– Вылетаю через полчаса, – ответил я.

– Серёж, всё в порядке? – встревожено спросила Алина.

Я хотел ответить дежурной фразой, что всё в норме, но вовремя прикусил язык.

– Не совсем, – сказал я, – Алин, тебе нужно будет собраться в дорогу. С собой всё самое необходимое. Запас питания для Пашки. Лекарства самые нужные.

– Ясно, – ответила Алина, – сделаем. Ты во сколько прилетаешь?

Другая на её месте начала бы ненужные расспросы. Но моя жена повидала достаточно, чтобы грамотно оценивать ситуацию.

– В восемь по Москве по расписанию. Может, раньше получится – вроде ветер попутный.

– Что-то ещё?

Я задумался на секунду.

– Охрана на месте? – спросил я.

– Да. Ребята бдят, – ответила Алина.

– Отлично, – ответил я, – значит, всё по плану.

– Конечно, Серёж. Ждём тебя.

Для стороннего слушателя, даже из конторы, в нашем разговоре не было ничего необычного. Но вроде бы нейтральная фраза «всё по плану» для Алины означала одно: обстановка боевая, надо быть начеку. Следить за охраной, которую могут подменить. И в этом случае немедленно бежать.

В этот раз на линию поставили старый «Аэробус», А-350. Но привередничать не приходилось.

Я уже хотел идти на посадку – её как раз объявили, как вдруг ощутил прикосновение к плечу.

– Постой, – за спиной стоял Иван, – а можно я с тобой?

Наверно, очень уж растерянный был у меня вид. Ваня рассмеялся.

– Раз ты здесь, значит, билет уже купил, – заметил я, – так что от моего ответа твои действия уже не зависят. Так?

– Ну, если ты скажешь категорическое «нет» – я просто не сяду в самолёт, – Ваня пожал плечами.

– Багаж у тебя есть?

– А как же!

– Вот спасибо тебе, добрый человек, – вздохнул я, – нас не отпустят, пока не снимут твой драгоценный чемодан. Даже если ты на посадку не явишься.

– Серьёзно? – теперь настала очередь Ивана растеряться, – не знал таких нюансов...

– Пошли уж, – вздохнул я, – а то реально опоздаем. Как со службой вопрос решил? Отгул? С командиром договорился?

Мы двинулись в сторону телетрапа.

– Отпуск у меня, – он расплылся в улыбке, – меня год не могли вытурить. Кадровики плешь проели. Командир грозился, что пропуск аннулирует.

– А чего так? Заняться было нечем? – я поднял бровь.

– Да легче на службе было, – Ваня вздохнул.

– Так. Ты в экономе взял?

– Естественно, – он пожал плечами, – а ты что, в бизнесе летаешь?

– Люблю комфорт, – признался я.

– Ну вы, ребят... – Ваня округлил глаза, – может, и зря я от Академии отказался...

Я дипломатично промолчал.

Салон бизнес-класса был заполнен едва ли на половину. Пропустив Ваню вперёд, я на стойке, перед посадкой, договорился об апгрейде и оплатил его. В «Аэрофлоте» недавно появилась такая услуга, причём воспользоваться ей можно в любое время после регистрации, даже в полёте, если в салоне бизнес-класса остались свободные места. Правда, при этом не гарантировалось, что еда будет как в бизнесе. Но, думаю, Ваня это в состоянии пережить.

– А что, так можно было? – улыбнулся Ваня, когда стюардесса пригласила его на соседнее кресло.

– Можно. Если осторожно, – я улыбнулся в ответ; про платный апгрейд я, конечно же, умолчал.

– Вот жил бы я так, если бы... – он махнул рукой.

– За всё приходится платить, Вань, – ответил я, – ты же понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Иван.

Пока самолёт выруливал на полосу, взлетал и набирал высоту, мы молчали. А когда стюардесса объявила, что можно отстегнуть ремни, я повернулся к Ивану и спросил, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно серьёзнее и внушительнее.

– Теперь давай начистоту. Какого фига ты припёрся? Особист дал указание? – спросил я.

– Сергей, да как... – Ваня вспыхнул.

– Александрович, – перебил я.

– Ч-что?

– Сергей Александрович, говорю. И я не люблю, когда оскорбляют мои седины и умственные способности.

Ваня молчал, насупившись.

– Давай поэтому пропустим стадию умозаключений, – продолжал я, – и сразу перейдём к сути. Для чего ты здесь? Кто задание поставил? В чём оно заключается?

Ваня молчал несколько секунд. Потом поглядел мне в глаза и ответил:

– Послушай... те. Сергей. Александрович. Вы можете верить во всё, что угодно – но никто никакого задания мне не ставил...

Мы продолжали глядеть друг другу в глаза.

– Я не всё рассказал. Сны мне снятся, – Ваня опустил

взгляд. И только в этот момент я окончательно поверил, что он говорит правду. – Дичь какая-то. Живодёрка где-то в скалах. Чёрные молнии. Твари, которые начинают лезть из теней. Но это не просто твари – нет... они организованы. Я знаю, что это войско, которое лезет, чтобы завоевать мир. А нас – сожрать. Причём – буквально...

Я молчал, продолжая пристально глядеть на Ивана.

– Я думал, пройдёт. Что это след Хаоса, и всё такое. Успокаивал себя. Но становилось только хуже. Если поначалу такая фигня снилась раз в месяц – то теперь даже днём, стоит прикорнуть на полчаса...

Я поднял руку, чтобы позвать стюардессу.

– Здравствуйте, Сергей Александрович. Что-то желаете? – спросила она, вежливо присаживаясь на корточки рядом с нами. – Ужин планируем подать минут через пятнадцать.

– Воду, пожалуйста, – попросил я, – без газа.

– Конечно, – улыбнулась стюардесса.

– Будешь что-нибудь? Попить? Выпить? – спросил я Ваню.

– Нет, – он покачал головой, как-то даже немного испуганно.

– Тогда ещё стаканчик апельсинового сока, – добавил я.

– Хорошо, – ответила стюардесса и удалилась.

– Что за скалы? – спросил я, – опиши подробнее.

Ваня посмотрел на меня с недоумением.

– Думаешь, это имеет значение?

– Ты сам так думаешь, – ответил я, – иначе не явился бы сюда. Так?

– Так... – он вздохнул, – странные это скалы. Будто уступами поднимаются. Наверху – плоская вершина, иногда травой заросшая, иногда снегом. Но, может, и совсем без растительности. Эти скалы разрезаны реками, они образуют глубокие долины. В долинах бывает чахлый лесок. И нигде – ни следа жилья. Как будто на другой планете...

– А небо? – спросил я, – небо какое?

Ваня прикрыл глаза, вспоминая.

– Да вроде небо как небо... солнце нормальное. Хотя стоп. Оно всегда где-то возле горизонта. В зените не видел ни разу. Будто в высоких широтах... думаешь, реальное место?

Я пожал плечами.

В этот момент стюардесса принесла сок и воду. Стакан с соком я предложил Ивану и тот, поколебавшись секунду, сделал большой глоток.

– А ещё мне кажется, что происходит что-то очень нехорошее. Дело не только во снах. Так, предчувствие. Будто сгущается что-то в воздухе. Поэтому я как услышал про эту тварь, которая на Алину напала – сразу понял: что-то будет.

– Ясно, – кивнул я, – но почему со мной-то решил лететь? Если что-то будет – какая разница, где это встретить?

Ваня улыбнулся.

– Потому что ты наверняка будешь на острие сопротивления, – ответил он, – и я хочу быть рядом.

Я даже растерялся, и мне стало неловко признаваться в своих планах. Но, конечно, молчать я не стал.

– Ваня. У меня есть собственный бункер на Алтае. Я собираюсь вывезти туда семью и затаиться, пока это всё не закончится.

– Знаешь, есть хорошая поговорка, – ответил Иван, – хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

Я промолчал. Хотя где-то в глубине души чувствовал, что он прав.

– Привет, – сказала Алина, улыбнувшись, – Иван, кажется, да?

– Можно просто Ваня.

– Немного неожиданно – я не ждала гостей.

– Это ничего, – вмешался я, – мы за вещами и сразу в аэропорт.

По дороге к парковке я листал приложение «Аэрофлота». Ближайший рейс до Горно-Алтайска был только завтра. А до Барнаула – вечером. Учитывая, что мы прилетели в восемь утра по Москве, можно было успеть со сборами и спокойно добраться до аэропорта. Правда, потом, на месте, ехать дольше. Но это тоже не страшно: до Бийска недавно запустили новое четырёхполосное шоссе, да и дальше дорога вполне приличная, хоть и не такая широкая. Правда, стройка идёт, из-за этого бывают перекрытия. Но даже с учётом возможных задержек выигрыш во времени получался значительным.

Вроде бы причин для спешки особых не было. Днём позже – днём раньше, какая разница? Но интуиция, какое-то внутреннее напряжение, заставляло меня торопиться. Я чувствовал, что времени мало.

– Куда летим? – спросила Алина.

– Барнаул, – ответил я.

– А, твоя дача, – она невозмутимо пожала плечами, – хорошо, что я закупила запас подгузников.

Я рассказывал ей про своё убежище. Тогда она одобрила мою инициативу, но желание посетить не выказывала. Говорила, что «хотела бы оптимистично смотреть в будущее».

– Любимая, это не край света, – улыбнулся я, – их можно было и на месте купить.

– Китайские какие-нибудь, да? Уж извини. Пашка такое носить не будет.

Я пожал плечами.

– Ваня, у тебя биометрия на госуслуги подгружена? – спросил я.

– Нет, – ответил он, – я же в Академию готовился. Кандидатам запрещено. А потом как-то недосуг было...

– Тогда давай свой номер.

– Я лечу с вами? – уточнил он.

– Ну а какие варианты? – я пожал плечами.

Я успел ввести данные на всех пассажиров и сделать бронь, когда на экране высветился значок звонка. Знакомый номер. Управление. Секретариат.

Поколебавшись секунду, я перевёл аппарат на бесшумный режим и убрал его в карман джинсов. Если бы я был на действительной военной службе – это было бы серьёзным проступком. А так, пусть сначала официально вытащат меня из запаса.

Алина бросила на меня быстрый взгляд, после чего ускорила шаг. Молодец она у меня – всё без слов понимает...

Загрузив чемоданы в багажное отделение, мы тронулись. Иван, сидя на заднем сиденье, смущённо косился на детское кресло.

Алина, сидя на пассажирском кресле, откинула козырёк и активировала небольшой приборчик, которым я обзавёлся почти сразу после возвращения. Мне совсем не нравится, когда меня слушают, даже когда скрывать нечего. Глушилка была надёжной; лучшая из доступных на коммерческом рынке. Я знал от технарей, что наши пока не нашли способ её обходить.

– Серёж, поговорить надо, – сказала она, выразительно покосившись на заднее сиденье.

Секунду поколебавшись, я ответил:

– Говори. При Ване можно. Он сильно помог.

Иван удивлённо посмотрел на меня через зеркало заднего вида.

– Что происходит? Мы с кем-то воевать собираемся? Нашли, кто на нас напал там, в аэропорту?

– Можно и так сказать, – ответил я, – Алин, если честно – я пока не очень представляю, что именно происходит. После того, что рассказал Иван, я точно знаю, что тебе грозит большая опасность: тебя могут использовать для разрушения границ нашего мира. А ещё, похоже, кто-то у нас продолжал экспериментировать с созданием проходов в другие

вселенные. И, видимо, небезуспешно.

Алина побледнела и сжала кулаки – так, что костяшки пальцев побелели.

– Кто сейчас звонил? – спросила она после небольшой паузы.

– По службе, – признался я; увиливать в этой ситуации было бесполезно.

– Тебя могут... привлечь? – спросила она.

– Попытаются. Наверняка, попытаются.

– Серёж... – Алина вздохнула, – ты уже решил, что будешь делать?

Я с удивлением посмотрел на неё. Встретился взглядом. И всё понял.

– Алин, много непонятного, – ответил я, – если это сделали не мы. Демократическая Конфедерация или Консервативные Штаты. Да даже если Китай. Конечно, я сделаю всё, чтобы достать их и как-то поправить ситуацию, если это возможно. Но, если это наши... – я всплеснул руками. Автопилот мгновенно подхватил управление и вывел на лобовой дисплей предупреждение, что надо вернуть руки на руль, иначе последует аварийный съезд на обочину.

– Ваши-наши... – Алина вздохнула, – Серёж, ты же помнишь, да? На какой стороне я была, когда мы познакомились? Это не так важно. Важна настоящая мотивация.

– Ты права... наверное. Но что будет, пока я буду разбираться, что к чему?

– Давай пока не будем загадывать, – предложила она.

Я пожал плечами.

Иван, настороженно следивший за нашим разговором, почему-то улыбнулся.

До приезда в аэропорт телефон звонил ещё два раза. Я ожидал осложнений и был готов дать отпор – когда надо, контора могла быть очень быстрой. Но реальность превзошла все мои ожидания.

Шеф сидел, скромно подобрав ноги и прихлёбывая чай в дальнем углу бизнес-зала, скромной серой мышкой.

Целый генерал! Действующий руководитель службы.

У меня даже руки опустились, и я чуть не выронил Алинину сумку. Проследив направление моего взгляда, она насупилась. Тяжело вздохнула. Достала сына из переноски и уселась на ближайшее мягкое кресло.

– Иди уж, – кивнула она, – но, если надо – я этому хмырю глаза выцарапаю. Пускай только попробует нас тормознуть.

Иван остановился, вопросительно глядя на меня.

– Ничего, – кивнул я, – схожу, поговорю.

Я направился в дальний конец зала.

– Сергей Александрович, приветствую. Рад вас видеть, – кивнул генерал, когда я подошёл к его столу, – спасибо, что присоединились.

– Какими судьбами, Павел Алексеевич? – вежливо поинтересовался я и, не дожидаясь приглашения, присел на со-

седнее кресло.

Генерал чуть нахмурился, но проигнорировал мою бестактность.

– Вы уж не держите зла, что приходится так вмешиваться в ваши планы, – начал он, и у меня при этих словах неприятно свело желудок; похоже, без конфликта не обойдётся, – но у нас есть основания полагать, что вы можете нам быть крайне полезны.

– При всём уважении, – ответил я, – но свой долг родине мне удалось отдать. Со всеми полагающимися процентами.

Павел Алексеевич вздохнул и опустил взгляд. Почему-то мне показалось, что, если бы у него были очки – он бы сейчас непременно начал их протирать.

– Понимаете, какая ситуация, Сергей, – сказал он, – родина – это ведь не только государство. Это ещё и люди, которые живут под его защитой. В том числе и ваша семья.

Я сжал скулы, сдерживаясь.

– Вы, что? – удивился генерал, наблюдая за моим выражением лица, – подумали, что я вам угрожаю? Полноте, вы ведь опытный оперативник! Вы – наш! У нас есть незыблемая этика, в конце концов!

– Простите, не понимаю.

– То, что происходит – угрожает нам всем. В том числе и вашей семье. Масштаб этого... этой проблемы, – генерал потёр переносицу, – такой, что пострадают все. Впрочем, даже не так. Погибнут все. Я. Вы. Ваша супруга. Ваш сын. Ваш

сослуживец. Кстати, удивительно – как вам удалось его вытащить? Вот уж не думал. Мне показалось, что вы сильно отделились после того инцидента... впрочем, не важно.

– Павел Алексеевич, – ответил я, – при всём уважении. Яснее мне не стало.

– Очевидно, Сергей Александрович, очевидно, – генерал наклонился, достал из-под кресла довольно пухлый портфель и погрузил руку в его недра. Через мгновение он достал довольно толстую красную папку и протянул мне, – проследите, чтобы ни одна буква не была доступна для постороннего взгляда. Вы ведь в бизнесе летите? Поднимите шторку в капсуле и отгоните стюардесс, хорошо? После ознакомления уничтожьте. Там гриф ОБ.

Я почтительно, двумя руками, принял папку.

– Значит, мы всё-таки летим? – уточнил я.

– Что? – генерал изобразил удивление, – а. Конечно, конечно! Мы только за, если ваша семья будет в максимальной безопасности. Я распорядился обеспечить охрану вашей... дальней резиденции. Она не спасёт в случае, если вы провалитесь, но хоть что-то... на переходный период.

– Я отвожу семью и возвращаюсь, так?

– Зачем? Нет, всё проще – наш самолёт будет ждать вас в аэропорту Горно-Алтайска. Ваш сослуживец, скорее всего, захочет к вам присоединиться. На него тоже всё будет готово.

– Насколько я с ним могу делиться информацией? Отсю-

да? – спросил я, похлопав по папке.

– Насколько сами решите, – генерал пожал плечами, – допуск на него оформили.

– Спасибо, – кивнул я.

– Эх, Сергей Александрович, – вздохнул генерал, – вы сами даже не понимаете, насколько не за что...

После этих слов он встал, поднял портфель и направился к выходу из зала. Только в этот момент я заметил, как трое совершенно неприметных людей вдруг двинулись вслед за ним. Охрана. Они хороши. После волны террора прошлого, говорят, наши подразделения работают не хуже ФСО. Теперь я готов был в это поверить.

– Что? Что там? – Алина поднялась с кресла, когда я подошёл, удерживая Пашку на руках.

Сын тихонько дремал, чуть причмокивая во сне.

– Всё в порядке, – ответил я, – летим.

Алина даже лицом просветлела от облегчения.

– Что ему было надо? – спросил Ваня.

– Нас с тобой, – честно признался я.

– Что? – старлей с недоумением захлопал глазами.

– Позже поговорим, – ответил я, – пойдём, посадку объявили.

«Удава» удалось сдать раньше, ещё до прохода в бизнес-зал. Иначе я точно не попал бы на рейс.

Генерал не просто так приехал в аэропорт лично и не просто так позволил мне улететь. Если бы я ознакомился с содержимым папки в другой обстановке, мог бы не сдерживать эмоций, наговорить лишнего и сильно повредить предстоящему делу.

Папку я открыл, когда убедился, что Алина уснула в своём коконе с ребёнком. Тогда я поднял пластиковую переборку, оградившую меня от любопытных взглядов, и погрузился в чтение.

Папка открывалась копиями приговоров военного суда под грифом «Особой важности». Само по себе редкое явление. Если уж совсем по-хорошему, тот факт, что папка летела со мной в салоне рейсового самолёта, и я заполучил её, не поставив в процессе ни в каких формулярах с десятков автографов (причем обязательно от руки! Никаких электронных подписей и биометрии!) уже было нарушением режима.

Впрочем, генерал большой, ему видней.

Итак, приговоров было три. Первый – начальнику управления, куратору какой-то программы под названием «Ариадна», тоже генералу. Он сел пожизненно, с конфискацией

имущества и без права досрочного освобождения. Если верить сухим строчкам текста после заголовка «Установил» – вполне заслуженно. Этот субъект (язык не поворачивается назвать его офицером) санкционировал проведение экспериментов «в научных целях» над осуждёнными и военнопленными.

Остальные два приговора были такими же суровыми. Резолютивные части почти не отличались. Наказание «заслужили» двое учёных: один военнослужащий, другой гражданский. Они были создателем тех самых «экспериментов».

Подробности их действий были со всей неприглядной честностью изложены в следующих разделах папки.

На какой-то момент мне даже показалось, что я снова вернулся в мир Птиц, в его старые годы, когда одна из сторон людского общества была представлена садистами. Там были фотографии. Хорошо, хоть я не успел поужинать. А то в полёте мой желудок становился особенно чувствительным.

За этими разделами, самыми жёсткими по содержанию, шла короткая справка о том, какое наказание получили остальные выжившие сотрудники объекта программы «Ариадна». И записи о поощрениях: повышение получили два военных следователя, которые обратили внимание на анонимный сигнал во время инспекционной поездки по Сибирскому Военному округу.

После такого впечатляющего вступления шла копия докладной записки на высшее руководство страны, подписан-

ная Директором нашей конторы. Там коротко, в двух абзацах, излагалась суть программы «Ариадна»:

«После утраты свойств Новоархангельской СНЗ на территории, контролируемой Россией и дружественными государствами, не осталось объектов, позволяющих в необходимом объёме получать данные научно-практического свойства, обеспечивающие технологический суверенитет и преимущественное развитие важнейших отраслей. При этом по оперативным данным на территории стран Демократической коалиции и в Китайской Народной Республике были успешно проведены эксперименты по искусственному созданию СНЗ.

Сложившееся положение представляет потенциальную угрозу нашей стране и союзникам. В этой связи считаем целесообразным реализовать проект по созданию полнофункциональной СНЗ на территории России. По согласованию с Министерством обороны и Минприродресурсом предусмотрено резервирование соответствующих земельных ресурсов на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края. Финансирование в объёме 12 млрд. рублей предлагаем направить из статьи НИОКР бюджета Министерства обороны.

Просим рассмотреть».

Дата, подпись. И резолюция справа от герба: «Согласен».

Я хмыкнул и стал листать дальше.

Что ж, ребята решили пойти незамысловатым путём. Для

начала открыли живодёрку. Различными способами массово убивали живых существ. От простых червяков до высших животных, которые, по мнению этологов, стоят на грани разума: ворон и, как ни странно, осьминогов. Были большие планы на приматов, но их не удавалось добыть в достаточном количестве, а в неволе шимпанзе размножались не так быстро.

После того, что они делали с людьми, предыстория с животными должна была выглядеть если не обыденно, то хотя бы менее омерзительно. Я понимаю, почему генерал велел собрать материалы именно в таком порядке.

Вот только эффект был обратным. При всей несправедливости и чудовищности преступления, военнопленные не были невинными созданиями. В большинстве своём они сами убивали. И не всегда других военных. Как бы то ни было, в пыточную их привёл ряд сознательных поворотов.

С животными всё было по-другому.

Вот только, даже когда угробили около миллиона животных, в одно мгновение, с помощью специально выстроенной электрической сети, это не дало того эффекта, как получилось с испытанием бомбы на Новой Земле. И я понимал – почему. А живодёры от науки – нет. И это было странно: я ведь дал всю необходимую информацию. Не может такого быть, чтобы она не дошла до тех, кто инициировал программу. Нужен был кто-то на другой стороне, так же заинтересованный в преодолении барьера между реальностями. Близ-

кий по устремлениям к экспериментаторам. Бомба – орудие войны. Птицы пробили дорогу в мир, где война была жизнью... неужели это было так сложно понять?

Листая дальше, я убедился, что нужная информация у «экспериментаторов» всё-таки была. Я нашёл выдержки из протоколов моих допросов. И не только моих: показания Алины и Тренора там тоже присутствовали. Но почему-то их совершенно неверно интерпретировали.

«Учёные» считали, что нужно «создать необходимый паттерн информационных структур». В этой справке приводилось множество математических выкладок, в которых я, признаю честно, погряз. Моих познаний в этой области не хватало, чтобы адекватно оценить описанное. Хотя я и без того знал, что умники ошибались.

Там же, в папке, была короткая докладная записка одного из учёных. В ней был изложен некоторый опыт, полученный японскими исследователями из отряда 731. Автор убедительно доказывал, что деятельность этого сомнительного подразделения ставила своей целью добычу сведений из других «информационных пространств», как он выражался. Отсюда и подчёркнутая, нечеловеческая жестокость.

В заключение предлагалось использовать «человеческий материал» из числа «приговорённых на пожизненное заключение» для проверки ряда гипотез. На этой бумаге стояла резолюция осужденного генерала: «Согласен».

Я даже глаза протёр. Это ж насколько надо быть отмо-

розком, чтобы совершенно в наглую нарушать все законы и нормы? Наверное, расчёт был на то, что «победителей не судят»...

Но победителями они не стали.

Что-то пошло не так во время внеплановой проверки, инициированной прокурором округа. Следователи не пришли к единому выводу, связано ли возникновение проблем с попытками замести следы, или же это был закономерный результат «экспериментов», которые просто совпали по времени.

Всё началось с постов охраны. В папке было несколько распечаток с видео, сделанных камерами наблюдения. Сначала я решил, что мне показалось: снимки были не лучшего качества. Но читая описания и отчёты, я понял: нет, они действительно не просто устроили борьбу, они жрали друг друга.

Первый приступ безумия купировали быстро: отрезали отсек охраны, уничтожили лаборатории – там были встроенные системы самоуничтожения; всё было выжжено дотла. И это во время работы проверочной комиссии! Я только теперь начал осознавать масштабы проекта. А они впечатляли.

Следующие два дня обошлось без инцидентов. А потом сразу три вспышки: в корпусе земноводных, рептилий и... в человеческих бараках.

Это скрыть уже было невозможно.

Прокурор сразу обратился с докладом в Москву, по экс-

тренному каналу связи. Командующего сняли особым распоряжением, и тут же заключили под стражу. Военная полиция специально направила два борта для эвакуации задержанных. Это и спасло им жизнь.

Потому что никто из оставшихся на объекте после, судя по всему, не выжил.

После отлёта бортов первые два доклада временной администрации были обнадеживающими. Вспышки локализованы, объекты благополучно консервируются. Потом доклады прервались. Дальнейшая информация поступала только от автоматических спутниковых систем, но и эти каналы вышли из строя в течение последующих нескольких дней.

По распоряжению командующего Сибирским округом в район выдвинулись подразделения быстрого реагирования. И это решение было очень своевременным: благодаря современным огнемётным системам, которые были на вооружении этих частей, удалось остановить первую волну. Если бы не это – боюсь, я бы даже домой вернуться не успел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.